

А К А Д Е М И Я Н А У К У З Б Е К С К О Й С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

1

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

других городах Ферганской долины, используя для этого служебные поездки⁶.

Однако с объявлением Туркестана на положении чрезвычайной охраны (сентябрь 1906 г.) начались преследования и аресты революционеров в Новом Маргелане. «...Взялись усердно искоренять крамолу, — пишет В. В. Особо 24 сентября 1906 г. — ... Теперь время дорого, и надо усиленно работать, работать, не покладая рук и не останавливаясь ни перед чем»⁷.

Ново-маргеланская социал-демократическая организация оказалась под угрозой разгрома. 27 сентября 1906 г. власти выслали одного из крупных пропагандистов Ново-маргеланской группы Виктора Михайловича Голубкова⁸. Усилился надзор и репрессии в 6-й роте. Скрываясь от полицейских преследований, бежали из армии социал-демократы Ковник и Козленко⁹.

За В. В. Особо была установлена постоянная слежка. Он подвергался дисциплинарным взысканиям, обыскам и допросам. Ему угрожали военным трибуналом. Но В. В. Особо не прекращал своей революционной работы.

В письме Е. С. Мастерковой от 18 октября 1906 г. он пишет: «Уйти? Нельзя, ибо теперь не бежать нужно, а идти в казарму к людям, которые могли бы работать, и только таким путем солдатские массы будут быстро готовы ... к тому решительному моменту, когда мы сметем, вырвем с корнем все то, что так угнетает нас...»¹⁰

В. В. Особо хорошо понимал, что успех революции во многом зависит от того, на чьей стороне будет армия, куда повернут свое оружие солдаты; он понимал необходимость активной, наступательной революционной пропаганды среди солдат, необходимость подготовки сознательных агитаторов в армии. «В армии только тогда быстро продвинется дело вперед, когда в казарме будут серьезные работники, — пишет В. В. Особо 26 октября 1906 г., — ибо солдата нельзя сравнить с рабочим, тот свободен, он может быть там,

где захочет, у солдата же нет этой возможности и условия совершенно другие»¹¹.

В. В. Особо организовал в 6-й роте литературные кружки с целью политического просвещения солдат¹². Из наиболее активных солдат был создан ротный комитет в составе 10 человек. О своих планах Особо писал: «Всю роту разобью на 10 групп, каждому члену будет поручена одна группа, в которой он будет следить за тем, чтобы каждый из группы обязательно читал полученную литературу...»¹³

В. В. Особо мечтал организовать подобные комитеты и литературные кружки и в других частях гарнизона. Но осуществить эти планы ему не удалось. 1 ноября 1906 г. В. В. Особо и группа социал-демократов из 6-й роты были высланы из Нового Маргелана, а вскоре вся рота, как рассадник революционных идей, была расформирована. Ново-маргеланская группа РСДРП перестала существовать¹⁴.

Из Самарканда, куда его отправили в штрафную роту, В. В. Особо удалось бежать в Самару, где он активно включился в работу городского комитета РСДРП под фамилией Голубев Василий Николаевич¹⁵. Однако 1 апреля 1907 г. он был арестован и после длительного следствия опознан Туркестанской жандармской охранкой. По приговору Туркестанского военно-окружного суда от 12 мая 1908 г. В. В. Особо был сослан в Сибирь на вечное поселение¹⁶. О дальнейшей судьбе его нам ничего не известно.

Письма руководителя Ново-маргеланской военной социал-демократической организации В. В. Особо наглядно иллюстрируют ленинское положение о том, что в годы первой русской революции «заколебалась самая прочная и последняя опора царизма — армия»¹⁷. И в этом немалую роль сыграли действовавшие в армии социал-демократические группы, которые настойчиво пробуждали политическую сознательность и активность солдатских масс, втягивая их в революционное движение.

Л. Соболева

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ КАРАКАЛПАКОВ

В 1960 г. вышел в свет второй том государственных документов Хивы XIX в. Среди документов, включенных в это издание, имеется тетрадь № 7 архива хивинских

ханов, датируемая 1289 г. х. (1872/73)¹. При публикации этой тетради мы опустили

¹¹ Там же, л. 48—51.

¹² Там же, л. 37.

¹³ Там же, л. 50.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 155, л. 39.

¹⁵ Куйбышевский облгосархив, ф. 468, оп. 1, д. 949.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 155, л. 293—294.

¹⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 236.

¹ Хива давлат ҳужжатлари, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 265—300.

⁶ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 155, л. 39—40. В письме от 28 сентября 1906 г. В. В. Особо описывает поездку в Андижан.

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 155, л. 43.

⁸ В. М. Голубков — адвокат, в 1902 г. был выслан в г. Новый Маргелан из Казани за распространение революционных идей среди рабочих.

⁹ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 155, л. 48.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-723, оп. 1, д. 155, л. 46.

некоторые материалы, не написанные непосредственно чиновниками хана. Эти материалы, на наш взгляд, отличались как по

данство². Тогда-то по заданию К. П. Кауфмана и были составлены записи³, обнаруженные нами в тетради № 7 архива хи-

	Количество хозяйств	Количество всадников (отлык)	Количество биев
Шумек каракалпак			
Киятли	443	88	7
Митанли	270	54	4
Карабуюнди	280	56	3
Кандакли	365	73	4
Балгали	270	54	4
Каштамгали	295	60	2
Кулдули	570	114	6
Аджмайли	438	87	3
Таякли	145	21	2
Джаенукур каракалпак			2
Уйгур	240	48	
Иргакли	295	59	4
Казаякли	350	70	5
Баймекли	400	80	3
Джуджуйли баконли	142	30	1
Тарс тангали	300	60	3
Удж той	295	59	3
Ак мангыт	375	75	5
Кара мангыт	440	88	4
Хитай каракалпак			
Нукуз	840	148	32
Аймовет			
Дубыл			
Ак тугун			
Учур тараклы			
Аранджи ктпакар			
Таза Хитай	70	14	
Карк	15	21	
Таджули	85	17	
Аралбак	260	52	3
Куюе	185	37	1
Ана	190	38	4
Айтана	190	38	4
Джаручи	185	37	2
Кипчак каракалпак			
Кангли	275	75	3
Ишак сангмасун	375	75	3
Мангли балта еты куча	370	70	7
Бек самаяк	180	36	4
Китайли	260	52	4
Кара ярли	260	52	1
Бешсары	260	52	5

своему содержанию, так и по почерку от других записей, имевшихся в тетради. Здесь содержатся интересные сведения о каракалпаках, которые отсутствуют в известных нам исследованиях по истории каракалпакского народа. Мы считаем, что они были дописаны на свободных листах тетради № 7 участниками Хивинского похода 1873 г. Каракалпакские старшины обратились тогда к генералу К. П. Кауфману с просьбой принять их в русское под-

винских ханов. Здесь приводятся данные о количестве биев, числе хозяйств численности нукеров, выставляемых каждым родом и коленом.

² См. «Материалы для описания Хивинского похода 1873 года», составленные под ред. Генерального штаба генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого, Ташкент, 1882.

³ Записи сделаны на узбекском языке.

На наш взгляд, эти записи дают представление о всех каракалпаках, ибо согласно приведенным в этих материалах данным, количество нукеров (отлык) составляет 2000 человек, а по другим документам нам известно, что каракалпаки составляли для хивинского войска именно 2000 всадников. Материалы датированы (рукой А. Л. Куна) 17 июля 1873 г. Здесь приведен текст этих записей, охватывающих около 10 тыс. каракалпакских хозяйств.

Кроме того, в архивных документах со-

держатся некоторые сведения о каракалпаках, не вошедших в приведенные выше списки. Это были бедняки и бездомные люди, работавшие в хозяйствах хана и других хивинских сановников-феодалов.

Эти материалы представляют большой интерес для исследователей, изучающих историческое прошлое каракалпакского народа, особенно положение каракалпаков в феодальном Хивинском ханстве конца XIX в.

М. Ю. Юлдашев

А К А Д Е М И Я Н А У К У З Б Е К С К О Й С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

12

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

М. Ю. ЮЛДАШЕВ

К ИСТОРИИ ДЕХКАН

Дехканство, составлявшее в течение многих столетий основную массу населения Средней Азии, сыграло огромную роль в исторических судьбах края. Это оно превратило в культурные оазисы огромные безжизненные пространства Средней Азии, защищало родную землю от иноземных захватчиков, веками боролось со своими эксплуататорами в условиях жесточайшего гнета и бесправия, нищеты и невежества, религиозного мракобесия и бесконечных опустошительных войн.

Всестороннее освещение истории дехканства возможно лишь на основе комплексного изучения ее большим коллективом исследователей самого различного профиля. Здесь мы приведем лишь некоторые новые документы и выскажем отдельные соображения по поводу самого понимания термина «дехкан».

Еще В. В. Бартольд в своем труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» справедливо писал, что слово «дехкан» было равносильно понятию о земельном аристократе¹. Со временем под этим термином стали подразумевать дехкан-землевладельцев. Так, применительно к Ирану XI—XIII вв. термин «дехкан» характеризуется исследователями следующим образом: «Значение дехканов особенно ярко выступает во время арабского завоевания: они — нотабли, знать и в особенности местные хозяева и правители, с которыми завоеватели договорились о новом порядке управления захваченными странами. Естественно, что состояние и положение этих людей в различных местах огромной страны были различны, и, таким образом, вполне естественно, что дехкан в одном месте является знатным господином, а в другом — крестьянином. Во многих местах это только кедхода: первый из крестьян, деревенский староста»².

Нашей науке известно огромное количество письменных источников о дехканах-землевладельцах, но довольно долгое время она не располагала материалами о дехканах, не имевших земли и имущества и составлявших при этом огромные массы населения.

Между тем, имеющиеся в нашем распоряжении документальные данные свидетельствуют о том, что дехкан XIX в. нельзя отождествлять с дехканами-землевладельцами.

Согласно этим документам, дехканами называли людей, не имевших ни земли, ни домов. Их ряды пополнялись из различных слоев землевладельцев, в частности из лиц, разорившихся и попавших в долговую

¹ В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 238.

² См. «Литература Ирана X—XV вв. Восток. Сборник второй». Под ред. А. А. Болотникова, А. Н. Тихонова, К. И. Чайкина, М.—Л., 1935, стр. 134.

кабалу. Широко была распространена выдача денег под залог земель. Как правило, дебиторы, не имея возможности расплатиться с долгами и ростовщическими процентами, лишались земли и имущества, а затем выплачивали проценты за счет своего личного труда. При этом хозяева распоряжались не только попавшими в кабалу людьми, но и членами их семьи.

Будучи не в состоянии выбраться из вечных долгов, земледелец, еще недавно имевший свою землю, превращался в дехканина. Об этом свидетельствуют многочисленные документы.

Например, о выдаче денег под залог земель свидетельствует следующий документ, скрепленный печатью казия:

«В 1275 (1858—1859) г., месяц Джумади II, 12 числа, из мечети Искандар бая Пахлаван Нияз, сын Тангри бердыя, имеющий румяное лицо (бугдай ранг), с бараньими глазами, с разделенными бровями, седой бородой, среднего роста, согласно закону учинил следующее: «Я продал со всеми правами и преимуществами Абдулла Мутаваллию, сыну Искандар бая, свои 2 танапа земли за 5 красных тилля весом один золотник. Границы участка: с востока канал, с юга Балта Нияз Шейх, с севера Мухаммед Нияз, с запада большая дорога; затем Абдулла Мутавалли согласился дать эту землю в аренду, с условием платить ежегодно одну тилля. Все это произошло в присутствии людей. Свидетели: Мулла Мухаммед Юсуп, Атаджан Ходжа и пр.»³.

Вот еще документ: «В 1282 (1865—1866) г., месяц Шаваль, 9 числа. Участок хауза сына Искандера из Нияз чина, район Кандумақан, Тангри-берды, среднего роста, с бараньими глазами, черной бородой и разделенными бровями, находясь в здравом уме, согласно закону учинил следующее: «Я продал Абдулла бай Мутаваллию свой дом с крышей, двумя комнатами, со всеми правами и преимуществами за 27 танга. Границы этого дома: с востока улица, с юга канал, с севера Абдулла-бай, с запада Абдулла-бай [это собственный участок Абдулла-бая]. Еще Абдулла-бай был мил и обещал, если ему возвратят танга, то он вернет дом. Затем этот дом был взят в аренду с условием ежегодно платить 5½ танга, в чем подписали свидетели: Мулла Файяз, Мухтар и пр.».

Этот акт, как и предыдущий, скреплен печатью казия⁴.

В другом документе говорится:

«В тысяча триста тридцать втором [году] летосчисления от [хиджры], в конце месяца Зул-хиджа, сделал законное, достойное доверия признание Бек-Мухаммед из Кук-Чага, из округа [кау] Мухаммед-Нияз-бая, с несросшимися бровями, с карими глазами, смуглолицый, среднего роста, с острой темной бородкой, двадцати девяти лет, сын Мухаммед-бая, сына Кутлук-Мурада, в следующем: «Я продал дозволенной, законной продажей Мухаммед-Пахо-баю, всецело и полностью примерно один танап своей собственной земли, находившейся в упомянутом приходе. Границы [земли]: с востока [владения] муллы Сейид Мухаммеда, а с севера — сего заявителя, а с запада — общая сальма (канал), а с юга так же, как и с севера; со всеми правами и угодьями, за сумму в двадцать три с половиной тилля, каждая из которых в девять имеющих хождение тенег. Взаимное получение обеими сторонами равных обмениваемых ценностей произошло. Я разрешил (ссудодателю. — М. Ю.) пользоваться [землей] с тем условием, что когда бы я ни отдал тилля, он (ссудодатель. — М. Ю.) вернет мне проданную [землю]. Затем взял в аренду проданную незанятую [землю] у указанного лица за три с

³ Рукописохранилище ИВ АН УзССР, раздел документов, ф. 51а.

⁴ Там же, ф. 33а.

половиной имеющих хождение тилля и с половиной имеющего хождение шахи, с согласия его (ссудодателя. — М. Ю.) на это». И было это в присутствии людей, при свидетельстве муллы сейида-Мухаммед-аксакала и Мухаммед-Курбана. Писец — владелец сей печати. Печать: «Судья и раис Кук-Чага, Султан-Мурад, сын покойного тура, уповающий на аллаха пребогатого»⁵.

В еще одном документе, свидетельствующем о подобных сделках, после общепринятых сведений говорится, что «житель Кандумана Худай Назар в 1290 (1873—1874) г. х. в месяце Мухарам продал свой участок размером 1/4 танапа, дом (уй) за 45 танга Худой-берды-суфи, сыну Берды Нияз Мутавааллия. Затем Худой Назар берет в аренду дом, с тем условием, чтобы выплачивать ежегодно 9 танга».

Даже при беглом чтении этих документов становится ясным, что они представляют собой акты двоякой сделки: во-первых, продажи земли (дома), а во-вторых, аренды этого же имущества его бывшим владельцем.

Таким образом, заимодавец, ссужая должника деньгами, мог быть вполне спокоен. Во-первых, по документу он становился полным хозяином земли (дома); во-вторых, выплата процентов за ссуду была оговорена в документе, и кредитор мог взыскать их в законном порядке, и, в-третьих, однажды составленный документ не надо было пересоставлять или продлевать на новые сроки — он имел силу на неограниченное количество лет, до тех пор, пока не будет возвращена вся ссуда.

Но подобными сделками дело не ограничивалось. Для примера можно привести следующий характерный случай. В 1891 г. житель Шейх-Аббас-Валийской волости узбек Вафа Максум Сафа Максумов ссудил одного туркмена деньгами. В документе, составленном при этой сделке, говорится:

«1309 года в месяце Джумади-эль-аввале (30 ноября 1891 г.) житель Саркубского аксакальства, живущий в приходе мечети пятидесятника Кугмана, рода Арабчи, Халмурад Якши Кельдиев, имеющий румяное лицо (смуглое), с черной бородой, с разделенными бровями и, по его рассказу, ему 60 лет, находясь в здравом уме, заявил, что он состоит должным 54 рубля Бабаджан Максуму Вафа Максумову и каковую сумму обязуется уплатить ему через один год, в чем за него поручился его сын Сафарбай, с тем, что эти деньги отец его уплатит, а иначе уплатит он сам. По рассказу Сафарбая, ему 16 лет от роду, безбородый и имеет румяное лицо (смуглое). В верности сего, я, Халмурад, и я, Сафарбай, приложил руки и тамги». Документ засвидетельствован печатью народного судьи Шейх-Аббас-Валийской волости.

По истечении указанного в документе срока, т. е. через год, Халмурад не смог уплатить своего долга, и тогда брат Бабаджана Максума Вафа Максумов заключил новый договор, но уже не с Халмурадом, а с его сыновьями: «1310 года в месяце Рамазан (30 марта 1893 г.) жители Саркубского аксакальства из прихода мечети Турганбая, рода Арабчи, отделения Карамыгиз, Сафарбай, по его рассказу, 18 лет, безбородый и имеющий разделенные брови, и Халдурды, имеющий румяное лицо (пшеничное), безбородый, с разделенными бровями и, по его рассказу, ему 15 лет, по отцу Халмурадовы, находясь в здравом уме, согласившись, сказали: «Мы по взаимному соглашению обязуемся служить и исполнять все работы, что только прикажет нам Вафа Максум Сафа Максумов, за полученные с него, Сафа Максумова, 91 рубль; но если мы будем сопротивляться и пожелаем уйти в другое место, то мы, за свою службу ничего

⁵ Рукописохранилище ИВ АН УзССР, раздел документов, ф. 349а.

не требуя от Сафа Максумова, обязуемся возвратить ему, Сафа Максумову, взятые нами у него 91 рубль. При этом отец их, Халмурад Яхши Кельдиев, которому, по его словам, 62 года, чернобородый и имеющий разделенные брови, поручился за них в вышеозначенной сумме. Согласившись на это, я, Сафар бай, я, Халдурды, и я, Халмурад, приложили руки и тамги». Документ засвидетельствован печатью народного судьи Шейх-Аббас-Валийской волости.

Сафарбай и Халдурды пробыли в работниках у Вафа Максума два года, а затем ушли от него. Тогда Вафа Максум обратился с иском против них к казию своей волости, который постановил следующее:

«1895 г. 17 дня в камеру мою явился в качестве истца Вафа Максум Сафа Максумов, который с собою привел жителей рода Арабчи Саркубского аксакалства Сафарбая, 20 лет, и Халдурды, 17 лет, Халмурадовых и бывшего поручителем за своих сыновей Халмурада Яхши-Кельдыева. Истец Вафа Максум объяснил: Сафарбай и Халдурды получили с меня 91 рубль и выдали мне казийский документ, в котором, сознаваясь и обещаясь, взяли служить у меня работниками до тех пор, пока они не уплатят мне обратно взятые с меня 91 рубль, но между прочим, они, не уплатив мне 91 рубль, ушли и отказались служить у меня, а потому, согласно документу, я покорно прошу Вас, казий, присудить в мою пользу с них 91 рубль. На это ответчики ответили: мы служили у Вафа Максума бесплатно 2 года, если следующее нам за два года вознаграждение окажется меньше 91 рублей, то мы ему недостающее заплатим деньгами. Рассмотрев документ, выданный ответчиками и совершенный казием, в котором говорится, что если ответчики, служа у истца, не уплатили ему 91 рубль, уйдут, то они должны возвратить ему 91 рубль и поэтому за их труд ничего не следует с истца, так как они во время служения работниками у истца не могли ему уплатить 91 рубль согласно этому документу... представленному истцом, я, казий, рассмотрев это дело, постановил: ответчики Сафарбай и Халдурды должны уплатить Вафа Максуму 91 рубль»⁶.

В другом документе мы читаем: «В 1327 (1909) г., в месяце Шаваль, 15 числа, из прихода (кау) Тагай Али бай кукчали, [в отношении] Джума Назара, среднего роста, с разделенными бровями, находящегося в здравом уме, согласно закону совершен акт в том, что он задолжал сыну Сейид Мухаммеду и сыну Мухаммед Кариму 22 тилля. Этот долг Джума Назар обещает оплатить сыну Мулла Мухаммед Сафо Халифо. За это Джума Назар обязан работать до уплаты долга у сына Мулла Мухаммед Сафо вакила. Свидетели: Мулла Курбан бай, Мулла Курбан Мурад и пр. Секретарь Мулла Сафо». Документ засвидетельствован печатью казиза⁷.

Вот еще один документ, свидетельствующий о том, что должник вынужден был бесплатно работать на кредитора.

«В тысяча двести восемьдесят восьмом году летосчисления от хиджры, в восемнадцатый день [месяца] Раби-ус сани сделал законное, достойное доверия признание Мамат-канглы, смуглолицый, белобородый, с несросшимися бровями, среднего роста, сын Рахимкули, в нижеследующем: «Я буду бесплатно служить Абдуррасул баю, сыну Мухаммед-Рахим бая, и когда бы я ни ушел с этой службы, и ни предъявил бы претензию на оплату моей службы, таковая [претензия] будет недействительной и пусть она тогда не выслушивается». И было это в присутствии людей».

⁶ См. О. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1890, стр. 255—256.

⁷ Рукописохранилище ИВ АН УзССР, раздел документов, ф. 353а.

Печать: «Войсковой казий Мухаммед-Латыф-ахунд, сын Иш-Нияза ахунда, уповающий на аллаха пребогатого»⁸.

Аналогичные условия содержит и следующий документ:

«В тысяча триста двадцать восьмом году летосчисления от хиджры, восемнадцатый [день] месяца Сафара, в воскресенье сделал законное, достойное доверия признание Мухаммед-Сабир из Янги-Арыка, из прихода мечети Мухаммед-Карим-наюба, с оспинами [на лице], восемнадцати лет, среднего роста, с недавно пробившейся бородкой, смуглолицый, с несросшимися бровями, сын Бек-Нияза, сына Хасан-Мурада, в нижеследующем: «Я должен Мухаммед-Юсуфу, сыну Махмуд-Нияза, сумму в двести пятьдесят тилля, каждая из которых в девять тенег, имеющих хождение, с условием, что за это я буду служить лицу, в пользу которого сделано данное признание, двадцать пять лет сполна. И если я уйду со службы вышеуказанному лицу раньше указанного срока в другое [место], то я уйду, отдав вышеуказанному лицу оставшуюся упомянутую сумму, за вычетом проработанного с согласия его [заимодавца] на это». Свидетели — упомянутый Бек-Нияз и Мухаммед Назар аксакал и Махмуд-Нияз домулла. Писец — сейид-Махмуд»⁹ (оттиск печати, приложенной к документу, неясен).

Для полноты нашего представления приведем еще один документ:

«В тысяча двести восемьдесят седьмом году летосчисления от хиджры, в двадцать второй [день] месяца Рамазана, сделал следующее законное, достойное доверия признание Хасан, среднего роста, темно-бородый, смуглолицый, сын Абдуллы: «Я должен Ильясу ходже, сыну Адина Мурад ходжи, сумму в восемьдесят тилля, каждая из которых в девять тенег семиричного веса, с таким условием, что за десять описанных тилля из указанной суммы я буду служить лицу, в пользу которого сделано данное признание, один год (т. е. всего 8 лет. — М. Ю.), если я не отслужу и вознамерюсь уйти в другое место, [то] я уйду, отдав указанному лицу остаток упомянутой суммы с согласием его (т. е. заимодавца) на это».

Печать: «Войсковой казий Мухаммед-Латыф-ахунд, сын покойного Иш-Нияза-ахунда, уповающий на аллаха пребогатого».

В печати вокруг текста: «О живой, о единый, о неизменный, о вечный, 1286 г. х.»

С правой стороны под текстом наискось: «Присутствующие Якубходжа и Мухаммед-Шариф и другие»¹⁰.

Мы полагаем, что эти документы представляют собой не что иное, как долговые обязательства, проценты по которым дехкане выплачивали за счет личного труда, фактически на всю жизнь попадая в беспросветную кабалу к кредиторам.

Положение их было крайне тяжелым. Кредитор был полновластным хозяином не только должника, но и всех членов его семьи. Он женил его сыновей, выдавал замуж дочерей, мог продавать дехкан с землей или даже без нее, причем в актах о купле-продаже дехкан указывался числящийся за ними долг.

В архивных документах отражены бытовые условия жизни дехкан. Ежегодно им выдавались: одна черма (меховая шапка), пара сапог, халат, кушак и две пары нижнего белья. Эти «пять одежд» были по существу единственным «вознаграждением» дехкан за их труд. Об этом свидетельствует, например, следующий документ:

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 87, л. 71.

⁹ Рукописохранилище ИВ АН УзССР, раздел документов, ф. 570а.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 34, л. 2.

«В тысяча триста двадцать шестом [году] летосчисления от хиджры, в двадцать седьмой день месяца Шаъбана (24 сентября 1908 г.), сделал законное, достойное доверия признание Руз-Мухаммед уйгурли, из прихода (кауи) Мухаммед-Шариф-аксакала, смуглолицый, с несросшимися бровями, с карими глазами, с острой бородкой, среднего роста, двадцати пяти лет, сын Аваз-Берды, сына Казак-бая, признание такого [рода]: «Я законно взял у Джума-Нияз-бая, сына покойного Хаджи-Мухаммед-бая, а он правильно вручил мне всецело и полностью сумму в тридцать тилля, каждая из которых в девять имеющих хождение тенег. За вышеупомянутую полученную сумму и за неполученные [еще] пять предметов обычной дехканской одежды я отдал себя в законный наем указанному лицу, в пользу которого сделано признание»¹¹.

Дневное питание дехкан состояло из трех лепешек и одного горячего блюда без мяса. Мясное блюдо давалось лишь раз в неделю. Естественно, что дехканам, выполнявшим тяжелую физическую работу, приходилось докупать некоторые необходимые продукты и одежду. На это обычно и уходили все заработанные ими деньги. Поскольку дехкане, как правило, приобретали эти продукты и одежду у своих же хозяев, последние фактически ничего не платили им.

Надо сказать, что часть разорившихся, потерявших землю крестьян уходила в города. Но здесь, ввиду слабого развития промышленности, они не могли найти себе работу. Поэтому в городах, особенно в Хиве, Коканде, Бухаре, сосредоточивалось большое количество голодных, неимущих людей, вынужденных заниматься попрошайничеством и случайными заработками. Ханские власти заставляли их работать на землях, принадлежавших хану, крупным сановникам или государству.

Итак, по своему происхождению дехкане — это в большинстве случаев недавние землевладельцы, лишенные средств производства и вынужденные в силу экономической необходимости искать заработка у крупных землевладельцев. Дехкане были наиболее угнетенным и бесправным сословием и наряду с рабами стояли на самой низшей ступени социальной лестницы.

Дехканин это не раб, но и не наемный рабочий капиталистического общества. Его зависимость носила чисто феодальный характер. Дехкане не смешивались окончательно с рабами, но в значительной степени (по крайней мере, в глазах своих господ) уподоблялись им, находясь в условиях абсолютного бесправия и полной экономической зависимости от хозяев. Их взаимоотношения, возникшие на основе долгового договора, носили характер своего рода личной зависимости.

Однако нам не следует делать особое ударение на понятии «долга», ибо мы рискуем модернизировать это явление и впасть в ошибку. Нельзя забывать, что речь идет о таком обществе, где отношение зависимости вырастает непосредственно из самого производства, где класс феодалов, земельные монополисты прибегают к внеэкономическому принуждению, т. е. к судебному органу, как к одному из самых действенных средств подчинения непосредственных производителей.

Крупных землевладельцев интересовали и земля дехканина, и сам он, выросший на этой земле, сросшийся с нею и, как правило, не отделенный от нее.

Специфика дехканства состояла в том, что человек, вынужденный искать денег или работы, продавал свою рабочую силу на крайне невыгодных для себя условиях. Зачастую он получал деньги вперед и, работая у хозяина, обязывался вернуть их через год. В случае неуплаты

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 34, л. 1.

«долга» в предусмотренный срок, он обязывался работать на хозяина до тех пор, пока не сможет полностью рассчитаться с ним. Практически же он работал за проценты. Очень часто дехканин не получал за свой труд никаких денег. Он нанимался на работу только за прокорм и одежду, рассчитывая, что в будущем его положение переменится к лучшему. Но, обманутый в своих надеждах, он так и оставался бесплатно работать на своего хозяина, нередко на всю жизнь.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении документы полнее раскрывают понятие «дехканин» в XIX — начале XX в.

Описанная выше кабальная система эксплуатации дехкан продолжала существовать вплоть до установления Советской власти. Поэтому сразу же после победы Октябрьской революции партийные и советские органы приняли ряд действенных мер для урегулирования взаимоотношений дехкан с хозяевами. В целях обуздания эксплуататоров профсоюзные организации требовали заключения письменных договоров, в которых были бы указаны обязательства сторон. Известно, что на первых порах хозяева прятали своих работников, а неграмотные, забытые дехкане сами боялись обращаться за помощью к профсоюзам. И тем не менее уже в первые годы народной власти в Хорезме было заключено свыше 24 000 договоров о найме с дехканами. Отсюда также можно заключить, что до революции насчитывались десятки тысяч полностью закабаленных дехкан и что кабальные формы эксплуатации были широко развиты в Средней Азии¹².

М. Ю. Йўлдошев

ДЕҲҚОНЛАР ТАРИХИГА ОИД

Мақолада автор ўз ихтиёридаги ҳужжатли манбаларни анализ қилиш асосида XIX асрда Хива хонлиги ва Ўрта Осиёнинг бошқа районларига нисбатан «деҳқон» терминини тушуниш ҳақида бошқача мулоҳазалар билдирмоқда.

Шу ҳужжатларга кўра XIX асрда ерига, уйига эга бўлмаган кишиларни деҳқон деб атаганлар, шунинг учун ҳам уларни илгарроқ даврдаги деҳқон — ер эгалари билан тенглаштириш мумкин эмас.

¹² Хотя наши документы непосредственно относятся к Хивинскому ханству, мы считаем, что отраженные в них социальные явления распространялись и на другие районы дореволюционной Средней Азии.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўн иккинчи йил наشري

1

1968

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания двенадцатый

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

УДК 9(С52)

ИНТЕРЕСНЫЙ ДОКУМЕНТ ПО ИСТОРИИ ХИВИНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА XIX ВЕКА

Одной из важнейших задач наших историков, изучающих прошлое народов Узбекистана, является глубокое исследование истории крестьянства — основной массы непосредственных производителей в период феодализма. Исключительно ценный материал в этом отношении содержат дошедшие до нас письменные источники.

К числу таких документов относятся материалы из обширного архива хивинских ханов. В них приводятся многочисленные факты, отражающие жизнь широких масс трудового крестьянства Хивы XIX в. Большой интерес вызывают, в частности, данные о положении хивинских крестьян, которые мы находим в дафтаре (тетради) № 396 из части архива хивинских ханов, обнаруженной в Центральном государственном архиве УзССР в Ташкенте¹.

Это — дафтар по сбору земельного налога (солгут) за 1843 г., составленный ханскими чиновниками — сборщиками налога. Описанные в нем земли располагались по берегам канала Ярмыш и с 1663 г. принадлежали государству.

Хивинский историк Мунис сообщает: «Во времена царствования Анушхана воды Кота высохли и население его окрестностей оставило эту местность. Тогда хан велел для этих жителей построить крепость недалеко от местности «7 куполов». Так вырыли канал, доходивший до Ак-куля, и назвали его Ярмышом»².

По данным Г. И. Данилевского (1842), «Ярмыш вытекает в 15 верстах ниже канала Шах-Абад, течет почти параллельно с ним на протяжении 95 верст, оканчивается в песках, 10 верстами севернее г. Иляли. Средняя ширина Ярмыша 8 сажень. Берега его круты и несколько возвышены от населенной земли. Выходящая из него канава

незначительна»³. В настоящее время этот канал заброшен.

Указанные земли обрабатывали издольщики, называемые в дафтаре № 396 беватанами. Термин этот представляет большой интерес для историков. Изучение архивных записей XIX в. показывает, что термином беватан обозначали арендаторов земель падшалык. Как видно из дафтара № 34, именно в этом смысле он употреблялся в канцелярских документах Хивы.

Еще в конце XIX в. О. Шкапский, характеризуя положение арендаторов беватан, писал: «Землевладелец, сидящий на земле падшалык, является владельцем не земли, а лишь владельцем разрешения пользоваться ею. Поэтому он не может каким-либо способом отчуждать находящуюся в его пользовании землю. В случае его смерти право разрешения пользоваться землей переходит его детям, раз они будут продолжать обработку земли. Право владельцев земель падшалык можно уподобить праву вечной наследственной аренды государственной земли»⁴.

В районе канала Ярмыш имелись также вакуфные земли и несколько участков частных владельцев (чиновников). Люди, обрабатывавшие эти земли, назывались вакуф-карами и карандой. Но основную массу (более 90%) составляли беватаны. Они получали государственную землю в аренду на условиях издольщины, главным образом со стороны военного ведомства. Каждый беватан обязан был выплачивать из своей доли урожая земельный налог салгут и, кроме того, выполнять тяжелые трудовые повинности по рытью каналов (казу), укреплению дамб (качу) и т. д.

По рассказам бывшего хивинского диванбеги Бабаджана тарра, государственной землей в Хиве управляли специальные

¹ См. М. Ю. Юлдашев. Новые ценные архивные материалы по истории Средней Азии, *Общественные науки в Узбекистане*, 1962, № 6, стр. 57—59.

² Мунис. Фирдавс ул Икбал, ркп. ИНА АН СССР, № 5071, л. 39.

³ Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства, *Записки Русского географического общества*, кн. V, СПб., 1851, стр. 83.

⁴ О. Шкапский. Аму-Дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье, Ташкент, 1900, стр. 94.

люди⁵. Как сообщил нам Бабаджан, в начале XX в. государственной землей ведал один из ближайших сановников хана Мухаммед Махрам. Он сдавал земли беватанам за 1/10 долю урожая. Осенью назначенные Мухаммедом Махрамом мушриффы определяли урожай и долю государства, после внесения которой издольщик обязан был выполнить все прочие повинности — уплатить салгут, отработать казу, качу и т. д.

Из дафтера № 396 мы впервые узнаем о том, что государственные земли выдавались чиновникам, военачальникам не как танхо, сюргал, ярлык, а как «кулга ертутган, ушлаб турган», т. е. пожизненно, пока они находятся на этой должности.

В Хиве XIX в. поземельный налог был основным видом обложения трудового населения. Как и в других феодальных государствах, он фактически не затрагивал интересы крупных собственников и всей своей тяжестью ложился на плечи трудового крестьянства.

В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» подчеркивал, что подати поглощают солидную часть валового расхода мелкого земледельца или батрака с наделом⁶. Это ленинское замечание полностью применимо и к положению обездоленных масс хивинского крестьянства XIX в.

В Хивинском ханстве все землевладельцы подразделялись на три основные категории. К первой относились лица, имевшие свыше 10 танабов земли. Они должны были платить три полных тилля, т. е. 54 танги. Землевладельцы второй категории имели 5—10 танабов земли и должны были платить 36 танга, или два полных тилля. Лица, относившиеся к третьей категории, имели до 5 танабов земли и платили 18 танга, т. е. одну полную тиллю⁷.

Налог, таким образом, носил явно регрессивный характер: одну тиллю обязаны были вносить в казну и владельцы 5 танабов и лица, обладавшие еще меньшим, т. е. совершенно ничтожным наделом. Земельного налога ниже одного полного тилля феодальная Хива не знала. Иначе говоря, чем богаче был землевладелец, тем ниже была сумма вносимого им налога. Малоземельных крестьян налог нередко доводил до полного разорения.

Издольщики-арендаторы делились на три группы. К первой принадлежали те, кто обрабатывал 15 танабов земли. Они должны были ежегодно платить 34 танга. Ко второй группе относились издольщики, арендовавшие до 10 танабов земли и платившие

2/3 от 34 танга, т. е. 22 2/3 танга. Арендаторы третьей группы, обрабатывавшие до 5 танабов, платили 1/3 от 34 танга, т. е. 11 1/3 танга⁸.

Фактическая сумма налога была гораздо выше. Из документов архива хивинских ханов мы узнаем, что многие издольщики платили за каждые 5 танабов одну тиллю, т. е. столько же, сколько собственники земли⁹.

Классовая сущность налоговой политики ханов особенно ярко проявлялась по отношению к сельским жителям, совершенно не имевшим земли. Они были обязаны также платить земельный налог в размере одного полного тилля¹⁰. Это вынуждало население обрабатывать землю при любых условиях.

Взимание налога сопровождалось дополнительными поборами, которые ложились тяжелым бременем на крестьян. Так, за извещение о времени платежа каждый налогоплательщик должен был давать ясаулу 1 танга¹¹. Сборщику налогов надо было платить по 1 1/2 танга. Если налог выплачивался в течение восьми месяцев, то он увеличивался вдвое. Если же налогоплательщик обращался к властям с заявлением о неправильности исчисления салгута, он должен был уплатить дивану 9 танга¹².

Сборщики налогов тщательно фиксировали в своих дафтерах количество земли, сданной арендаторам. Вот, например, записи из дафтера № 396 по масжиду (мечети) Абдулло мираб чахарбагли:

«Таджи бинни Алланазар — 10 танабов.
Абдулла барак бинни Мухаммед Уйгур — 10 танабов.

Мухаммед Карим барак бинни Хаджимурад Уйгур — 5 танабов.

Абдурахим бинни Шербаба катли — 5 танабов.

Эшнияз бинни Мухаммед Нияз шейх — 5 танабов.

Абдурахман бинни Шербаба кунгират — 5 танабов (л. 35 об.).

Алланазар бинни Офкулал — 5 танабов.

Вайснияз Авазбай бинни Тажи Нияз — 15 танабов; в 1285 г. х. — беказу, как сирота.

Мулла Мухаммед Карим бинни Мухаммед Мурад — 10 танабов.

Еще Мулла Хасан бинни Дусак — 5 танабов.

Эрман бинни Бекпулад — 5 танабов.

Авазнияз бинни Вайснияз — 10 танабов.

Мулла Акмухаммед бинни Руз Мухаммед Шайх — 5 танабов.

Худай Шукур бинни Султан — 5 танабов.

Мухаммед Мурад бинни Кутлимурад — 15 танабов.

Мулла Мухаммед Карим бинни Хажу Курбан — 5 танабов.

Гадай Кара бинни Мухаммед Кара — 5 танабов

⁵ Там же, л. 180.

⁹ Рукопись ЛОИНА СССР, С-699, л. 79, об., 80.

¹⁰ А. Балтаев. Указ. ркп., л. 181.

¹¹ Там же.

¹² Архив ИВ АН СССР, ф. 33, пап. 2.

⁵ Из беседы автора с Бабаджаном тарра, проведенной в г. Хиве в 1967 г. Бабаджану ныне 90 лет. Его отец и дед также были диванами хивинских ханов.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 148.

⁷ А. Балтаев. Материалы к истории Хивы, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9320, л. 181.

Рахимкули бинни Химматкули — 10 танабов» (л. 36 об.)¹³.

Таким образом, тетрадь № 396 содержит списки арендаторов государственных земель — беватанов. Списки составлены по мечетям с указанием имени арендатора и его отца, а также количества земли, обрабатываемой на издольных началах.

Всего по 56 мечетям 1843 издольщика обрабатывали 15 640,5 танаба земли — в среднем примерно по 7 танабов. Из них 891 человек арендовал по 5 танабов, 549 — по 10, а остальные — от 1 до 5 танабов зем-

ли. В 1843 г. они выплатили 1018 тилля салгута, а в 1860 г. — 1370 тилля.

Если издольщик не в силах был обработать взятую в аренду землю, то уменьшить площадь ее он мог лишь с разрешения хана. Так в условиях феодальной Хивы проявлялись различные формы закрепощения непосредственных производителей господствующими классами и государством, эксплуатировавшим крестьян на феодальной основе.

М. Ю. Юлдашев

¹³ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 396.